Л.В.Левшун

ПОЗИЦИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО В ДЕЛЕ ФЕОДОРЦА РОСТОВСКОГО И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В "СЛОВЕ НА СБОР СВЯТЫХ ОТЕЦЬ"

"Слово на сбор святых отець" - единственное из дошедших до нас восьми "слов" Кирилла Туровского, написанное не по библейскому тексту, положенному для прочтения на литургии в "неделю преже пянтикостия" - т.е. в 7-е воскресенье после пасхального (Деян. 20.16-18; Деян. 20.28-36; Ин.17.1-13). Сюжет взят из св. истории: в "слове" рассказывается о событиях 325 года, о первом Вселенском соборе в Никее, осудившем арианскую ересь и принявшем "никейский символ".

Имеются некоторые основания предположить, что данное "Слово" вовсе не предназначалось для произнесения на литургии. Во-первых, по наблюдениям Е.Б.Рогачевской, "цитаты" из св. писания, использованные в нем ни в коей мере не соответствуют не только чтению, положенному в неделю св. отец, но и текстам, читаемым в другие дни этой недели [1]. Во-вторых, употребление автором таких слов как "власфимисающе", "догматисати" (15.345) [2] свидетельствует о том, что "Слово" рассчитано на специально образованную аудиторию, владеющую хоть в какой-то степени греческим языком. В-третьих, необычна для Кирилла композиция "Слова", нарация которого более самостоятельна, чем в других "словах" и представляет собой некое подобие обвинительной судебной речи, а конклюзия, хоть и построена по одному принципу с соответствующими частями других "слов" Кирилла, отличается от них своей пространностью и может рассматриваться как так же достаточно самостоятельный панегирик отцам церкви. В-четвертых, наррация данного "Слова", кроме уже отмеченной ее особенности, носит ярко выраженный апологетико--полемический характер и претендует, скорее, на "науч-

ность", чем на художественность. В-пятых, сам выбор темы - обличение арианства - уводящей слушателя в глубины богословской догматики, говорит о том, что "Слово на сбор святых отець" не может быть литургической проповедью, мессионерской и в этом смысле просветительской по своей сути. Это "Слово" не "просвещает", а "обличает", несомненно предполагая хорошее знание слушателями св.истории.

Все это позволяет предположить, что рассматриваемое нами "Слово" является именно обвинительной речью на одном из церковных соборов. Привлечение некоторых других фактов дает основания думать, что этот собор был посвящен осуждению ереси Феодорца [3]. В связи с этим необходимо, по-видимому, доказать, что обличение арианства не было основной задачей Кирилла при составлении данного "Слова", что автора интересовала не история арианства как такового, а возможность на примере Никейского собора продемонстрировать участь ереси вообще, и что Ария, по-видимому, надо рассматривать не как создателя конкретно этой ереси, а как символ еретика, наказанного за свое богохульства. Это нетрудно сделать.

I. В своем "Слове" Кирилл, с одной стороны, уличает Ария в том, чего тот никогда не утверждал (что Христос - не сын божий, но что вся тварь - сын божий. I5.345), а с другой стороны, основной пункт разногласий арианства и ортодоксального православия (о единосущности бога - отца, сына и св.духа) лишь констатируется автором как следствие того, что Христос не признается сыном божиим. И вообще система Ария изложена весьма односторонне, все внимание Кирилла сконцентрировано именно на сыновстве Христа богу-отцу, т.е. на пункте, в которой Арий не имел расхождения с ортодоксами.

2. Ничего не сказано в "Слове" и про то, что на соборе имелась средняя партия, пытавшаяся примирить две враждующие стороны формулой "подобосущия" сына. И уж совсем не отражена дальнейшая судьба

Ария и арианства, кроме указания на то, что "мужи-чюдотворцы... прокльныше богохульника Ария, издринуша и ис церкве" (15. 346). Как известно, Арий был исключен от общения с церковью и его последователи прокляты. Но дело в том, что это произошло еще в 318 г., т.е. задолго до собора. А в 328 г., спустя всего 3 года после принятия Никейского символа, император Константин, видя, как неохотно Восток принял новый догмат, перешел на сторону евсевиан (по имени последователя Ария Евсевия). Арий был призван из изгнания и в 336 г. должен был торжественно быть принят в круг духовенства, но неожиданно умер. А в 335 г. Тирским собором был осужден Афанасий - главный обвинитель Ария - и сослан. Главную роль на этом соборе играли арианские епископы. После смерти Константина (337 г.) их партия получила первенствующее значение при дворе и в государстве. На втором же Вселенском соборе в Константинополе (381 г.) спорный член Никейского символа получил более мягкую формулировку. Но и после этого арианская ересь прекратилась не сразу. Об этом Кирилл умалчивает при всем при том, что он несомненно был хорошо знаком с арианским учением по греческим источникам, о чем свидетельствуют некоторые интерполяции из произведений св. Антония, св. Макария Великого, аввы Исайи, обличавших арианство, как в "Слове на сбор святых отецъ", так и в других "словах" К.Т.

3. Выбор Кириллом примера для обличения ереси весьма неудачен (ведь Арий был оправдан), если только не предположить, что этот эпизод истории, видимо, более всего напоминал именно "дело Феодорца". И мы действительно находим ряд параллелей: и Арий, и Феодорец - еретики, "возмутившие церковь"; и тот, и другой были привлечены к суду по инициативе своих "цесарей" (Арий - Константином, Феодор - Андреем Боголюбским); по поводу обеих ересей были созваны соборы; оба не раскаялись в своей ереси и были прокляты; оба были людьми весьма об-

разованными и талантливыми. Если же обратиться к тексту "Слова" и сопоставить рассказ Кирилла об Арии с рассказом русских летописей о Феодорце (под соответствующими годами), то параллелей станет больше:

Арий...начат...пущати богохульная своя словеса... остави небеса и позвавшаго на ня Христа... им же тогда сам дьявол неподобная глаголаше (I5.345).	(Феодорец) неподобно глаголаше, и закон божественный укори и на самого господа Бога и на пречистую Богородицу хулу изглагола (Никоновск.II70) [4] ... хулу измолви на святую Богородицу (Лавр.II69) [5] .
Приведен же бысть и Арий с единомысльникы своими (I5.345).	Князь же Андрей оковав его и посла в Киев к митрополиту Константину (Воскр. II70) [6] .
Повеле же цесарь Ариеви преже своя учения глаголати, ими же льстяще мир (I5.345).	Митрополит же повеле его испытати от содеяных от него злых (Никон. II7I).
...бяху бо философи и книжници горазди (I5.345).	...язык имеа чист, и речь велеричиву, и мудрование кознено (Никон. II70).
(Арий) не въсхоте благословения [7] , но възлюби клятву, и приде ему (I5.345).	(Феодорец) не восхоте благословения и удалися от него (Никон.II7I; Лавр.II69).
...уста его пълна суть горести и льсти (I5.345).	Изгна Бог... злаго и пронырливаго и гордаго льстеца (Лавр.II69; Воскр. II70).
...препреша... еретикы, и прок-	...уподобився злым еретиком не кла-

леньше богохульника Ария, издринуша и ис церкве (I5.346).	няющимся (Лавр.II69). (велел митрополит Феодорцу) язык урезать,яко злодею и еретику (Лавр.II69; Воскр.II70; Никон. II7I).
И тъ заточи Ария, хулившаго Христа... (I5.346): ...нераскаемый грешниче (I5.345).	...бес покаяния пребыс и до последняго издыхания (Лавр. II69). ... и тако пребыс без покаяния все лето (Никон. II7I) [8] .
Си от своего ума, а не от святых книг извещал еси (I5.345).	... беси вознесше мысль его до облак (Лавр.II69).
И възвратися болезнь на главу его, и на вьрх ему неправда его снидеть... не будеть прощения ни в сий век, ни в будущий, но сде проклинаем есть, и тамо горце мучим улютаеть (I5.347).	...еюже мерою мерите и възмериться вам... суд без милости не сотворившему милости (Лавр.II69; Никон. II7I); ... грешный бо и сде по греху мучится, а на суде божии осудится в муку... обрати бо ся болезнь его на главу ему, и на верх его неправда его сниде (Лавр.II69).

Уже сам факт употребления одних и тех же топосов и использования одних и тех же библейских цитат при описании обоих сопоставляемых событий (в контексте всепроникающей этикетности) говорит о том, что это события одного порядка в представлении автора "Слова" [9] . Следовательно, выдвинутые нами предположения небезосновательны, и "Слово на сбор святых отець" можно рассматривать как речь, произнесенную туровским епископом на соборе, посвященном ереси Феодорца. А о

том, что Кирилл действительно участвовал в обличении Феодора, мы узнаем из проложного жития Кирилла: "... Феодорца... блаженны Кирилл от божественных писаний ересь обличи и прокля его".

4. Говоря об участии Кирилла в "деле Феодорца", нам, естественно, нельзя обойти молчанием "Притчу о хромце и слепце", в которой автор дал "весьма яркое и сильное обличение и не менее убедительное увещание, в прозрачных намеках, кого-то из честолюбивых и возносящихся умом представителей церковной иерархии" [10]. Исследователь этого произведения И.П.Еремин назвал его "замечательным памятником древнерусской публицистики" и отметил, что если "Притчу" "и нельзя признать за обличение на суде... то несомненно она была одним из числа обличений, направленных Кириллом против (Феодорца) [11]. Исследователь приводит весьма убедительные аргументы, доказывающие, что притча посвящена действительно "увещательному обличению" ростовского епископа.

Можно добавить, пожалуй, еще одно обстоятельство: если "Притча" не была "обвинительным словом" на суде, то посланием князю Андрею и его епископу "от евангельских и прочих указаний" она могла быть. Допущение основывается на том, что в данном произведении несколько модифицирована самоуничижительная формула, с которой автор обращается к предполагаемому адресату (причем, обращается чаще, чем в каком-либо другом своем произведении) к этикетным выражениям - "... мутен ум имею и язык груб... недостоин есмь о сих глаголати..." и т.п.) Кирилл добавляет: "Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на пользу обрести, но зазираеть, чим же бы нас потязал и укарял" (I2.342) [12]. Опасение автора становится понятным, если припомнить, что Феодор "язык имел чист, и речь велеречиву, и мудрование козненo", и в споре, видимо, был достойным соперником Кириллу.

Перекличка многих мест "Притчи" и "Слова", а так же текста "Суз-

дальской летописи" по Лаврентьевскому списку с тем и другим произведением должна упрочить наше предположение о том, что "Слово на сбор святых отець" действительно посвящено обличению Феодорца.

"Аще ли тщеславием сказаеть болшим угаждая, а мнози меншая презрить, буестью крыя господню мнасу... и видев господь горды его ум, возметь свой от него талант; сам бо прозоривым противится, смиренным же даеть благодать" (I2.340-34I), - увещевает Кирилл. Но Феодор не внял этому, продолжая "пущати богохульныя своя словеса... ему же клятвы уста его пълна суть горести и льсти... крепко въоружився на святую троицю" (I5.345), за что и "възвратися болезнь на главу его, и на върх ему неправда его снидеть" (I5.345), - констатирует проповедник в "Слове". Ср. в летописи: "...бог отъя от него ум... (бог) всемагущен еси... въздвизая кроткая на высоту, и смиряя грешникы до земля" (Лавр.II69).

"Приставлены суть патриарси, архиепископи, епископи, архимандрити межю церковью и олтарем стрещи святых таин от враг Христов, сиречь от еретик и зловерных искусник, нечестивых грехолюбець, иноверных скверник" (I2.342), - напоминает в "Притче" Кирилла, но Феодорец, которому было "поручено учити Христове вере людей, нъ понеже не бе от делатель винограда Христова, начат злое семя сеяти... хульник бо бе, а не благовестьник" (I5.344), - заключает Кирилл в "Слове".

Далее, в "Притче" автор говорит о "надмении Адамова высокомысльья, яко... преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай... яко же се церковник недостоин ерейства и утаив грех свой, не брег же о божии законе, но имене деля высока и славна житья на епископи взиде сан" (I2.343), "изволи бо тьму паче, нежели свет... остави небеса... и обратися в преисподняя ада с прельстившим его змием" (I5.345), о чем и будет сказано на суде. Ср. в летописи: "Уподобився злым еретиком ... беси ... устроивши в нем второго Сотонаила и

сведоша въ ад" (Лавр. II69).

В качестве отрицательного примера понимается в "Притче" и Каин, "не сый священный на священьчьский дерзну чин, поревнова священному Авелю, его уби завистью" (I2.344). Не те ли священники, отказавшиеся принимать благословение у Феодорца и за то "мучимые" им, имеются здесь в виду?

Однако, во время написания "Притчи", положение Феодорца не было безнадежным, т.к. "многое владычне человеколюбие! ... не захочеть бо смерти грешнича, но обратитися велить и живу быти" (I2.344). Путь к прощению - "смиреномудрие... любы, послушание, покорение", причем, "в отлучении от сана" (I2.344-345), т.е. Феодору, по-видимому, предлагается пока не поздно отказаться от сана, которому он не соответствует, и покаяться "о злобе, о зависти, о льсти, о убийстве, о лжи... Близь бо господь скрушенных сердцем; смиренныя духом спасаеть... Точию не отчаим себе, яко Иуда ... Несть бо греха, иже сдолееть божии милости" (I2.345), - Кирилл убедительно просит прислушаться к его словам: "молю вашю любовь, со вниманиемь пишемых смотрите и яже слышите разумейте" (I2.344), иначе "учай человека разуму (бог) не уразумеет ли нашего грехопадения! Благым делом не сущим в нас, ни покаянию о гресех, в коим си сану будем, далече бога есмы" (I2.344-345). А когда настанет время последнего суда, то души пред богом "явятся и тъ судить по делом их... Ими же согрешить кто, темь и мучен будеть" (I2.346-347). Ср. в летописи: "Злые бо зле погыбнять" (Лавр.II69).

И коль скоро Феодор не последовал мудрым советам, Кирилл вполне справедливо разразился в "слове" тирадой, называя его "нечистый душе, окаяньный человече, новый Каине, вторый Июдо, прелестьный змею... нераскаемый грешниче... хотящим ся спасти пакостьниче, божий враже" (I5.345), и не будет ему "прощения ни в сей век, ни в будущий".

Такое сопоставление позволяет глубже проникнуть в суть "дела" Феодорца ростовского. Факт захвата им "не по правде" епископской кафедры, думается, лишь повод к его осуждению. Во всяком случае, Андрея Боголюбского, который и доставил Феодорца на суд, это обстоятельство никак не могло возмутить, поскольку он хотел поставления Феодора.

То что епископ "начат сокровищ богатых и сих восхищаше, таже и многых князей и боар измучи и имение их восхити" (Никон.1171), возможно, делалось с согласия или даже с повеления Боголюбского, который и сам в свое время "выгна... братю свою... и мужи отца своего переднии... хотя самовластець быти всеи Суждальской зели" (Ипат. 1162).

Не обедняем ли мы содержание "Притчи", усматривая в ней только обличение и только одного Феодорца. Укор "будим во иереях" относится здесь, как кажется, не только к ростовскому епископу. Стоит припомнить, как получили епископство и как пользовались своим положением Нифонт Новгородский, Леон Ростовский, Константин I Черниговский, впоследствии митрополит, как вина Феодорца несколько тускнеет. Скорее, Кирилл не столько противопоставляет Феодора "честным" иереям, сколько ставит их в один ряд с перечисленными выше. Список этот можно было бы дополнить и именем митрополита Иоанна, предшественника Константина I, которго патриарх, не спросясь Ростислава, поставил на Русь, "и не хотя его Ростислав прияти" [13]. Цесарю пришлось преподнести дары русскому князю и пойти на кое-какие уступки, чтобы тот принял митрополита. В тот же ряд можно поставить и самого Константина П, чья деятельность вызвала столько недовольств среди княжеско-боярской знати Руси и в среде русских церковников.

Не только к Феодору, как кажется, обращается Кирилл, восклицая: "Горе в разуме согрешающим! ... Господь... изметаеть неправедные из

власти, изгонит нечестивыя от жертвенника" (I2.344). Впрочем, это равно может относиться и к Мстиславу Изяславичу за содействие митрополиту, и к епискома Черниговскому и Переяславльскому (оба Антонии), помогавшим Константину заточить Поликарпа, игумена Печерского, и даже в какой-то мере к самому Андрею Боголюбскому, если соответствующе взглянуть на приводимый Кириллом пример жреца Илии, "иже ведый своя сына безакньствующа во иерействе, не отлучи ею от священства" (возможный намек на долготерпение Андрея по отношению к действиям Феодорца).

Так что, как кажется, цель "Притчи" не "увещевательное обличение", а "обличительное увещевание", где обличение относится ко всем известным "буим во иереях", а увещевание - к Феодору (и, возможно, в какой-то степени к Андрею).

Дело, видимо, тут не столько в деяниях Феодора, сколько в его взглядах и гражданской позиции, в его ереси, об обличении которой говорится в проложном житии Кирилла. Об этом же, в какой-то мере, свидетельствует и рассуждение о пользэ божественных книг в начале "Притчи": "обретый божественных книг сокровище... уже не собе единому быст на спасение, но инем многим послушающим его" (I2.340) и перекликающееся с ним, как кажется, обвинение в "слове" Ария (Феодорца?) в том, что "си от своего ума, а не от святых книг извещал еси" и говорил "еже... сердце умысли, а не еже бог пророком и апостолом... въписати повеле" (I5.345).

Думается, что ростовский епископ может рассматриваться как представитель крайней "язычествующей" партии на Руси в этот период "языческого возрождения" [I4]. Попробуем обосновать наше предположение:

I. В "Слове на сбор святых отець" Кирилл, сравнивая отцов I-го вселенского собора с Авраамом, говорит: "Авраам пять цесарев... погуби, а си вся еретикы духовьными исекоша мечи и церковь Христову

възвратиша от кумирослужения". В панегирике святителям Кирилл называет последних "кумиром раздрушители". А характеризуя Ария, говорит, что тот "изволи тьму паче: нежели свет". "Свет" - "тьма" является традиционным противопоставлением (идущим еще от библейское образности: см. Ис. 9.I-2; Мф.4,I6; Еф.5,8; I Фес.5,4-5 и др.), которое соответствовало оппозиции "христианин - язычник". Таким образом, в характеристике Ария и его ереси использованы формулы, по этикету применяемые к язычникам. Но Арий не был язычником. Напротив, своим учением о неединосущности сына единому богу он, скорее, утверждал христианский монотеизм в противовес "политеизму" троицы.

Данное несоответствие объясняется тем, что ересь Ария и его грех традиционно приравнивалась отцами церкви к греху язычества. Так св. Антоний пишет: "не имейте никакого общения с арианами, ибо какое общение света со тьмой? ... они, называющие тварию... сына божия, ничем не отличаются от язычников..." [I5]. Тем удобнее было Кириллу на примере арианской ереси обличать Феодорца.

2. Из летописной характеристики Феодора узнаем, что "неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху" (Никон. II70). "Он же не точию князя поруганми и укоризнами обложи, но и на пречистую Богородицу хулу изглагола... и на самого господа Бога... и закон божественный укори" (Никон.II7I). Что, собственно, нам мешает сопоставить эти данные летописей с фактом зарождения на Руси в это время культа божества света, отличного от солнца, и культа женского божества, отдельного от богородицы [I6]. В этой связи любопытна характеристика бога суздальским летописцем в той же статье о Феодорце II69 г.: "Боже... ты всемогущен еси... творяи от нощи день, а от зимы весну, и от буря тишину, и от суша тучю... всяк бъ дар свыше сходяи от тебе отца светом, его же благословять человеци, будет благословен, его же прокленуть человеци, бу-

дет проклят..." (Как не вспомнить тут Дажьбога?).

3. Феодор происходил из боярской среды (Петр Брячиславич, тысяцкий Мстислава Изяславича Киевского, приходился ему дядей или - по Татищеву - братом), а возрождение язычества в этот период наблюдается именно в княжеско-боярских кругах, недовольных вмешательством церкви в их традиционный быт[17]. "Камнем преткновения" в противоборстве церкви и великокняжеской власти явился конфликт с церковниками из-за мясоединия, запрещение которого было прямым посягательством на дедовские (языческие) традиции. Два предшественника Феодора - Нестор и Леон - поплатились кафедрой за то, что "не веляше мяса ясти в господьския праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток...", всячески ратуя за аскетический образ жизни, запрещая даже вступать в брак и т.д. Феодор "упре Леона" (Лавр.1164) и "посты отвергал и монашество охуджал и отметал"[18]. Став епископом, "церкви вся в Володимери (повелел) затворити и ключи церковныя взя" (Лавр.1169). Это последнее, естественно не могло понравиться Андрею, носящему прозвище Боголюбивый, т.к. во-первых, дискредитировало его в глазах патриарха, от которого он, как видно, все-таки надеялся добиться поставления "своего" митрополита; во-вторых, угрожало раскрытию заговора, готовящегося против Мстислава и Константина II. Поэтому-то Андрей Боголюбский и не задумался пожертвовать упрямым и неблагодарным попом, дабы создать видимость покорности митрополиту и отмести от себя подозрения в языческой ереси. В связи с этим интересно, что в "Суздальской летописи" перечисление всех вин Феодорца начинается с констатации того, что он "не всхоте послушати христолюбиваго князя Андрея, веляща ему ити ставитися к митрополиту г Кыеву" (Лавр.1169), чем и подтверждается, в какой-то мере, данное предположение.

Андрей Юрьевич, думается, занимал серединную позицию между откровенно язычествующими и ортодоксами, о чем можно заключить, сопо-

ставив такие факты, как сооружение многочисленных храмов и действия против запрета мясоедения; хорошие отношения с патриархом и всяческое стремление к церковной независимости как от киевского митрополита, так и от самого патриарха.

Кирилл Туровский, в проложном житии которого говорится, что он "Андрею Боголюбскому... многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яж суть на праздники господьские слова и многа ина душеполезная в них словеса", по-видимому, был среди сочувствующих Андрею. Во-первых, Туровские князья приходились родственниками Боголюбскому: Юрий Ярославич был ему двоюродным племянником. В условиях обостряющейся борьбы между тремя династиями они не могли не поддерживать старшего в роде. Во-вторых, туровские князья добивались того же, чего и Андрей: независимости от киевского князя и митрополита. Кстати, великими князьями и Андрей Юрьевич в Ростове и Суздали, и Юрий Ярославич в Турове стали примерно в одно и то же время (около 1157 г.). В этот период Турово-Пинское княжество переживает свой расцвет подобно тому, как это происходит и в Ростово-Суздальской земле. В-третьих, из проложного жития нам известно, что Кирилл - "богату родителю сын", т.е. по рождению и воспитанию принадлежал к городскому патрициату, к тем же княжеско-боярским кругам. "На епископски стол возведен бысть... умолением князя и людей града того", т.е., вероятно, по решению городского совета. В-четвертых, прославившийся по всей туровской земле своим благочестием, Кирилл не мог не возмущаться поведением церковных иерархов, не мог не разделять с большинством русичей разочарования в православном духовенстве, представленном в основном греками, ставлениками Константинопольского патриарха. Но, с другой стороны, Кирилла не могло не возмущать и поведение Феодора, так явно и так не ко времени пустившегося в открытое язычествование. В-пятых, позиция Кирилла прочитывает-

ся в "Слове на сбор святых отець", если привести целиком незаконченную автором цитату из I Тим. 4,3-5: "В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что бог сотворит, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение божие хорошо, и ничего же не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освещается словом божиим и молитвою". Кирилл этого не сказал, но отцы собора должны были услышать это "между слов", поскольку священное писание, а тем паче "Новый Завет" не могли не знать достаточно хорошо, чтобы "узнавать" приводимую цитату. В-шестых, то, что Кирилл занимал среднюю позицию между двумя враждующими группировками, подтверждается и выбором аналога из истории христианства для обличения Феодора: в IУ в. борьба между арианами и ортодоксами завершилась принятием в 38I г. вторым Вселенским собором формулировки, примиряющей оппозиционные партии. Участники собора русских епископов по "делу Феодорца" не могли не знать этого, коль скоро знали об Арии и его ереси. Поэтому выступление Кирилла можно, вероятно, расценивать как тонкий намек на то, что следует искать "золотую середину", чтобы урегулировать вопрос о взаимоотношении власти княжской и церковной, церкви греческой и русской, учитывая особенности обстановки в государстве. Ведь и спорный пункт Никейского символа был изменен именно потому, что неохотно принимался народами Востока. И наконец, нельзя не отметить, что только в "Слове на сбор святых отець" проповедник нигде не отступает от ортодоксально-христианского учения, хотя в прочих "словах" (наиболее заметно в "Слове о расслабленном" и в "Слове о слепци") эти отступления имеются, что и обусловливает оригинальное, специфическое религиозно-христианское миросозерцание Кирилла, не похо-

жее (и даже иногда враждебное) как реставрируемому языческому, так и ортодоксально-греческому. Однако, исследование философско-религиозных взглядов Кирилла Туровского - задача отдельного большого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Рогачевская Е.Б. Цитаты из "Нового Завета" в торжественных словах Кирилла Туровского // Материалы 26-ой научной студенческой конференции: Филология. Студент и НТП. - Новосибирск, 1988. - С.49-53; Она же. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Филологические науки. (В печати).

[2] Еремин И.П. Литературное наследство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1958. Т.15. - С.345. (В дальнейшем ссылки по этому изданию).

[3] Грушевский А.С. Очерк истории Турово-Пинского княжества X-XIII вв. // Университетские известия. - Киев, 1901, № 6 (июнь). - С.76; Татищев В.Н. История российская. - М., 1964. Т.3. - С.91: "прокляли его (Феодорца) собором, а книги, писанные им, на торгу перед народом сожгли".

[4] ПСРЛ. - М., 1965. Т.9: Никоновская летопись.

[5] ПСРЛ. - Л., 1927. Т.I, вып.2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

[6] ПСРЛ. - СПб., 1856. Т.7: Летопись по Воскресенскому списку.

[7] От благословления отказывался Феодор, но не Арий.

[8] Запись свидетельствует о том, что Феодор некоторое время

("все лето") провел в заточении. См.: "Митрополит же Константин... поведе его вести в Песии остров и тамо его осекоша..." (ПСРЛ. - М., 1962. Т.2: Ипатьевская летопись. Под 1172 г.). У Макария в "Истории русской церкви" (СПб., 1889. Т.2, С.18-20) указывается, что митрополит послал Феодорца на остров Песий "для покаяния".

[9] Это же дает нам право предполагать, что "Слово на сбор святых отець" (а возможно, и "Притча в хромце и слепце", посвященная тому же событию), было использовано составителем первоначальной летописной статьи о ереси Феодорца, но это тема отдельного исследования.

[10] Еремин И.П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. - Л., 1926. Т.30. - С.346.

[11] Там же. - С.347.

[12] Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1956. Т.12. - С,340-347. (В дальнейшем ссылки по этому изданию).

[13] Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. - СПб., 1913. - С.393.

[14] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - М., 1988. - С.775.

[15] Барсов Н. Очерки из истории христианской проповеди: Представители нравственно-аскетического типа проповеди на Востоке в IУ в. - Харьков, 1889. - С.18-19.

[16] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - С.774-775.

[17] См.: Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. - Харьков, 1916. Т.1-2; Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв. // ТОДРЛ. - М.; Л., 1960. Т.16. - С.94-104; Становление философской мысли в Киевской Руси. -

М., 1984; Щапов А.П. Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мир // Соч. - СПб., 1906. Т.I. и др.

18 Татищев В.Н. История российская. - М., 1964. Т.3. - С.91.